



### ИЗ ЦИКЛА КИБЕРИАДА

Была у короля Панцерика дочь, коей красота затмевала блеск сокровищ отцовских; свет, от зеркального лица ее отразившись, глаза ослеплял и разум; когда же случилось ей пройти мимо, даже из простого железа электрические сыпались искры; весть о ней отдаленнейших достигала звезд.

Прослышал об ней Ферриций, трона ионидского наследник, и пожелал соединиться с нею навеки, так, чтобы входы и выходы их ничто уже разомкнуть не могло.

Когда объявил он о том своему родителю, весьма озаботился король и сказал:

© Stanisław Lem «O królewiczu Ferrycym i królewnie Krystali.— Из кн. Lem S. «Cyberiada», Wydawnictwo Literackie, Kraków, 1972.

© Перевод с польского: «Искатель».

— Поистине, сын мой, безумное замыслил ты дело, не быть тому никогда!

— Отчего же, король мой и повелитель? — спросил Ферриций, опечаленный этой речью.

— Ужели не ведаешь ты, — отвечал король, — что Кристалла поклялась не соединяться ни с кем, кроме одного лишь бледнотика?

— Бледнотик? — изумился Ферриций. — Это что за диковина? Не слыхивал я о таком существе.

— Неведение твое только доказывает твою невинность, — молвил король. — Знай же, что галактическая эта раса зародилась манером столь же таинственным, сколь непристойным, когда тронула порча все тела небесные, и завелись в них сырость склизкая да влага хладная; отсюда и расплодился род бледнотиков, хотя и не вдруг. Сперва что-то там плесневело да ползало, потом выплеслились эти твари из океана на сушу, взаимным пожиранием пробавляясь, и чем больше друг дружку они пожирали, тем больше их становилось; и, наконец, облепивши вязкой своею плотью известковую арматуру, выпрямились они и соорудили машины. От тех прамашин родились машины разумные, которые сотворили машины премудрые, которые измыслили машины совершенные, ибо как атом, так и Галактика суть машины, и нет ничего, кроме машины, ее же царствию не будет конца!

— Аминь! — машинально отозвался Ферриций, поскольку то была обычная формула веры.

— Род бледнотиков-непристойников, — продолжал седовласый монарх, — добрался на машинах до самого неба, благородные унижая металлы, над сладостной измываясь электрикой, ядерную развращая энергию. Однако же переполнилась мера их прегрешений, что глубоко и всесторонне уразумел праотец рода нашего, великий Калькулятор Генетофорий; и начал он проповедовать этим тиранам склизким, сколь мерзостны их деяния, когда растлевают они невинность кристаллической мудрости, принуждая ее постыдным служить целям, и машины в порабощении держат себе на потребу — но тщетны были слова его. Он толковал им об этике, а они говорили, что он плохо запрограммирован. Тогда-то и сотворил праотец наш алгоритм электровоплощения, и в тяжком труде породил наше племя, и вывел машины из дома бледнотиковой неволи. Теперь, милый мой сын, ты видишь, что нет и не будет дружбы меж ними и нами: мы звеним, искрим, излучаем — они же лопочут, пачкают и разбрызгивают. Увы! И нас иногда поражает безумие; смолоду помрачило оно разум Кристаллы и извратило ее понятия о добре и зле. Отныне тому, кто просит руки ее облучающей, тогда только дозволяется предстать перед нею, ежели назовется он бледнотиком. Такого принимает она во дворце, подаренном ей родителем, королем Панцериком и испытывает истинность его слов, а открывши обман, велит казнить воздыхателя. Кругом же дворца, куда ни глянь, покоженные останки разбросаны, коих один лишь вид довести способен до вечного замыкания с небытием — так жестоко обходится эта безумная с влюбленными в нее хабрецами. Оставь

же пагубное намерение, любезный мой сын, и ступай с миром.

Королевич отвесил учтивый поклон своему отцу и владыке и удалился, не говоря ни слова, но мысль о Кристалле не покидала его, и чем больше он об ней думал, тем большей воспламенялся любовью. Однажды позвал он к себе Полифазия, Великого Королевского Наладчика и, открыв перед ним жар своего сердца, сказал:

— Мудрейший! Если ты мне не поможешь, никто меня не спасет, и тогда дни мои сочтены, ибо не радуется уже меня ни блеск излученья инфракрасного, ни ультрафиолет балетов космических, и погибну я, коли не соединюсь с чудной Кристаллой!

— Королевич, — отвечивал Полифазий, — не стану отвергать твоей просьбы, но соблаговоли повторить ее троекратно, дабы уверился я, что такова твоя нерушимая воля.

Ферриций исполнил требуемое, и тогда Полифазий сказал:

— Господин мой! Невозможно иначе предстать перед Кристаллой, как только в обличье бледнотика.

— Так сделай же, чтобы я стал, как он! — вскричал королевич.

Видя, что от страсти помутился рассудок юноши, ударил Полифазий перед ним челом, уединился в лаборатории и начал вываривать клей клейстый и жижу жидкую. Потом послал слугу во дворец, велел передать: «Пусть королевич приходит ко мне, если намерение его неизменно».

Ферриций прибежал немедленно, а мудрец Полифазий обмазал закаленный корпус его жидкою грязью и спросил:

— Прикажешь ли продолжать, королевич?

— Делай, что делаешь! — отвечал Ферриций.

Взял тогда мудрец большую лепешку, а был то осадок мазутов нечистых, пыли лежалой и смазки липучей, из внутренностей древних машин извлеченной, замарал выпуклую грудь королевича, а после сверкающее его лицо и блистающий лоб препакобно облепил, и делал так до тех пор, пока не перестали члены его издавать мелодичный звон и не приняли вид высыхающей лужи. Тогда взял мудрец мел, истолок, смешал с рубиновым порошком и желтым смазочным маслом и скатал вторую лепешку, и облепил Ферриция с головы до ног, придавши глазам его мерзкую влажность, торс его уподобив подушке, а щеки — двум пузырям; и приделал к нему там и сям подвески да растопырки, из мелового теста вылепленные, а напоследок натянул на рыцарскую его голову охапку волос цвета ядовитейшей жвачины и, подведя его к серебряному зеркалу, сказал: «Смотри!» Глянул Ферриций на отражение и содрогнулся оттого, что не себя в нем узрел, а чудище-страшилище небывалое — вылитого бледнотика, со взором водянистым, как старая паутина под дождем, обвисшего там и сям, с ключьями ржавой пакли на голове, тестовидного и тошнотворного; а тело его при каждом движении колыхалось, как студень протухший, и вскричал он в великом гневе:

— Ты, верно, спятил, мудрейший? Тотчас же соскреби с меня всю эту грязь, нижнюю — темную, и верхнюю — бледную, а с нею и ржавый лишайник, коим ты осквернил мою звонкую

голову, ибо навеки возненавидит меня королева, в столь мерзостном узревши обличье!

— Ты заблуждаешься, королевич, — возразил Полифазий. — Тем-то ее безумие и ужасно, что мерзость кажется ей красотою, а красота — мерзостью. Только в этой личине ты можешь увидеть Кристаллу...

— Пусть же так будет! — решил Ферриций.

Смешал мудрец киноварь со ртутью, наполнил смесью четыре пузыря и укрыл их под платьем юноши. Взял мехи, надул их застоявшимся воздухом из старого подземелья и спрятал на груди королевича; налил ядовитой, чистой воды в стеклянные трубки, числом шесть, и две вложил королевичу под мышки, две в рукава, две в глаза, а под конец молвил:

— Слушай и запоминай все, что я скажу, иначе погибнешь. Королева будет тебя испытывать, чтобы проверить правдивость твоих речей. Если достанет она обнаженный меч и велит тебе за него взяться, украдкой надави на пузырь с киноварью, чтобы вытекла из него красная жижа и полилась на острие, а когда спросит тебя королева, что это, отвечай: «Кровь!» Потом королева приблизит свое лицо, серебряной миске подобное, к твоему, а ты надавишь на грудь, чтобы вышел из мехов воздух; спросит она, что это, а ты ответишь: «Вздох!» Тогда притворится королева, будто разгневалась необычайно, и велит тебя казнить. Потупишь ты голову в знак покорности ее воле, и из глаз твоих польется вода, а когда спросит она, что это, отвечай: «Слезы!» Может, тогда согласится она стать твоею, хоть и мало на это надежды; верней же всего, придется тебе погибнуть.

— О мудрейший! — воскликнул Ферриций. — А если станет она допытываться, какие у бледнотиков обычаи, как родятся они, как любятся и как время проводят, что я отвечу?

— Поистине, иного нет способа, — отвечал Полифазий, — как только соединить твой жребий с моим. Я переоденусь купцом из соседней галактики, лучше всего неспиральной, поскольку тамошние обитатели известны своею тучностью, а мне надо укрыть под платьем множество книг об ужасных бледнотиков нравах. Тебя я не смогу бы этому научить, ибо нравы их противны природе: все у них делается наоборот, так неопратно, неприятно и неаппетитно, как только можно себе представить. Я подберу нужные сочинения, ты же вели придворному портному из волокон и нитей различных сшить одеянье бледнотика, затем, что скоро уж нам отправляться в дорогу. И куда бы ты ни пошел, я тебя не оставляю, чтобы знал ты, как поступать и о чем говорить надлежит.

Обрадовался Ферриций и велел сшить себе одеянье бледнотика, и не мог на него надивиться: закрывало оно почти все тело, и в одних местах вытягивалось наподобие трубопровода, в других же скреплялось пуговками, крючочками, кнопочками и шнурочками, так что пришлось портному особую инструкцию сочинить, и пребольшую, о том, что и как надевать, где, что и к чему прицеплять, и как с себя всю эту упряжь, из суконной материи сотворенную, стаскивать, когда придет время.

А мудрец Полифазий облачился в платье купца, спрятал под ним толстые ученые книги, трактующие о жизни бледнотиков, велел сделать железную клетку — шесть сажен в длину и столько же в ширину, запер в ней Ферриция, и отправились они в путь на королевском звездоходе. Когда же достигли они владений Панцерика, Полифазий в купеческом облачении пришел на городской рынок и возвестил громким голосом, что привез из далеких краев молодого бледнотика и продаст его тому, кто захочет купить. Слуги принесли эту весть королевне, а она, удивившись, молвила им:

— Воистину, за всем этим кроется великое шарлатанство, но не обманет меня купец, ибо ничьи познания о бледнотиках не сравнятся с моими. Велите ему прийти во дворец и показать пленника!

Привели слуги купца к королевне, и увидела она почтенного старца и клетку, несомую невольниками; в клетке сидел бледнотик, и лицо его было как мел пополам с пиритом, глаза словно влажная плесень и члены словно комки грязи. А Ферриций глянул на королевну и увидел ее лицо, как бы звенящее нежным звоном, и глаза, сверкающие, как электрические разряды, и утвердился он в любовном своем безумии.

«Этот и впрямь похож на бледнотика!» — подумала королева, однако же вслух сказала:

— Поистине, немало пришлось тебе потрудиться, старче, прежде чем слепил ты из грязи куклу и натер ее известковою пылью, дабы меня провести; но знай, что мне ведомы все тайны могущественного рода бледнотиков, и, когда откроется твой обман, ты будешь казнен вместе с тем самозванцем!

Мудрец отвечал:

— Королева! Тот, коего зришь ты в клетке, самый что ни на есть настоящий бледнотик; выкупил я его у звездных пиратов за пять гектаров нуклеарного поля, и если хочешь, уступаю тебе, ибо единственное мое желание — порадовать твое сердце!

Королева велела принести меч и просунула его сквозь прутья клетки. Ферриций схватился за острое и порезал им платье, так что пузырь лопнул. Полилась киноварь на меч, и сделался он алым.

— Что это? — спросила королева, а Ферриций ответил:

— Кровь!

Тогда королева велела открыть клетку, бесстрашно вошла в нее и приблизила свое лицо к лицу королевича; близость возлюбленной затмила его рассудок, но мудрец подал тайный знак, и Ферриций надавил на мехи; вышел из них затхлый воздух, а когда королева спросила: «Что это?» — Ферриций ответил: «Вздохи!»

— И вправду ты преизрядный фокусник, — сказала королева купцу, выходя из клетки, — но ты обманул меня, и потому вы умрете оба — ты и твоя кукла!

При этих словах мудрец поник головой долу, как бы в великой печали и горести, а когда королевич сделал то же, из его глаз потекли прозрачные капли. Королева спросила:

— Что это?

Ферриций ответил:

— Слезы!

И сказала она:

— Как твое имя, пришелец, называющий себя бледнотиком из далеких краев?

— О королевна! Имя мое Миамляк, и ничего я так не хотел бы, как соединиться с тобою способом мягким, волнистым, тестоватым и водянистым, по обычаю нашего племени, — ответил Ферриций, а научил его этим словам мудрец. — Я нарочно позволил пиратам себя похитить и уговорил их продать меня этому купцу, желая попасть в твое королевство. Да примет его жестянной особа мою благодарность за то, что я оказался здесь: ибо сердце мое переполняет любовь к тебе, как лужу переполняет грязь!

Изумилась королевна, затем, что и вправду говорил он, как настоящий бледнотик, и спросила:

— Поведай мне, пришелец, именующий себя Миамляком-бледнотиком, что делают твои сородичи днем?

— Поутру, — отвечал Ферриций, — они моknут в чистой воде и ополаскивают ею свои члены, и вливают ее себе внутрь, ибо вода приятна их естеству. А потом прохаживаются там и сям способом волнистым и текучим — и хлюпают, и лопочут; в печали они трясутся и проливают из глаз соленую воду, а в радости трясутся и икают, но глаза их не наполняются водой. И мокрые сотрясения мы называем плачем, сухие же — смехом.

— Если правдивы речи твои, — перебила его королевна, — и если ты разделяешь со своими сородичами влечение к воде, я велю бросить тебя в мой пруд, чтобы ты насытился ею вволю, а к ногам прикажу привязать свинец, чтобы ты не выплыл до времени.

— О королевна! — ответил Ферриций, наставляемый мудрецом. — Тогда я погибну, ибо, хотя внутри нас вода, она не может окружать нас снаружи дольше минуты, а если такое случится, мы произносим последние слова «буль-буль-буль», коими навеки прощаемся с жизнью.

— А поведай-ка мне, Миамляк, как добываешь ты энергию, чтобы, хлюпая, лопоча, колыхаясь и покачиваясь, прохаживаться туда и сюда? — спросила Кристалла.

— Королевна, — отвечал ей Ферриций, — там, откуда я родом, кроме бледнотиков маловласых, есть и другие, кои прохаживаются преимущественно на четвереньках, и мы до тех пор дырявим их там и сям, покуда они не погибнут; трупы мы рубим и режем, варим и жарим, после чего набиваем их плотью свою собственную; и нам известно триста семьдесят шесть способов убийства и двадцать восемь тысяч пятьсот девяносто семь способов приготовления покойников для того, чтобы пропихивание их тел в наши тела через отверстие, ртом именуемое, было для нас сколь возможно приятным; а искусство обработки покойников у нас в еще большем почете, нежели астронавтика, и зовется оно гастронавтикой, сиречь гастрономией; однако же с астрономией ничего общего не имеет.

— Значит ли это, что вы забавляетесь в кладбища, погребая в себе ваших четвероногих собратьев? — каверзно спросила

Кристалла, но Феррицей, поучаемый мудрецом, и тут не замедлил с ответом:

— Сие не забава, о королева, а необходимость, ибо жизнь кормится жизнью; мы же необходимость обратили в искусство.

— А поведай-ка, Миамляк-бледнотик, как конструируете вы потомство? — любопытствовала королева.

— Мы не конструируем его вовсе, — ответил Ферриций, — а программируем статистически, по образу Марковского процесса, то бишь стохастически; вероятно, зато сладостно, невольно и произвольно, всего менее размышляя при этом о материях статистических, нелинейных и алгоритмических; и как раз потому-то программирование идет у нас просто, стихийно и совсем самостоятно; ибо так уж устроены мы, что каждый бледнотик рад потомство свое программировать, утеху в том видя, но программирует он, не программируя, и многие прилагают немало стараний, чтобы из их программирования чего-нибудь, упаси бог, не вышло.

— Это весьма удивительно, — молвила королева, коей познания были менее глубоки, нежели познания мудреца Полифазия, — так как же вы это, собственно, делаете?

— О королева! — отвечал Ферриций. — Есть у нас механизмы, по принципу обратной связи устроенные, хотя все это в воде; сии механизмы — настоящее чудо техники, ибо пользоваться ими способен даже свершенный кретин; впрочем, чтобы подробно описать тебе методы, нами употребляемые, пришлось бы говорить долго, поскольку не так уж они просты. И вправду, это весьма удивительно; удивительней же всего, что методы наши не нами выдуманы, а некоторым образом, выдумали себя сами; но нам они по душе, и мы ничего против них не имеем.

— Поистине, — воскликнула королева, — ты настоящий бледнотик! Ибо речи твои, по видимости, имеют смысл, а по существу, совершенно бессмысленны; невероятны, но как будто бы истинны, хотя и расходятся с логикой: мыслимо ли быть кладбищем, не будучи им? Программировать, вовсе не программируя? Подлинно, ты, Миамляк — бледнотик, а потому, коли ты того жаждешь, я соединюсь с тобой супружеской обратной связью, и ты вступишь со мною на трон, если выдержишь последнее испытание.

— Какое? — спросил Ферриций.

— Испытание это... — начала было Кристалла, но вдруг подозрение закралось в ее сердце, и она сказала: — Ответь мне сперва, что делают твои сородичи ночью?

— Ночью они лежат там и сям с подогнутыми руками и скрюченными ногами, а воздух входит в них и выходит из них с таким шумом, словно кто-то ржавую пилу точит.

— Вот это испытание: дай свою руку, — приказала королева.

Подал ей Ферриций руку, она ее стиснула, Ферриций же возопил громким голосом, ибо так велел ему старец, а она спросила, отчего он кричит.

— От боли! — ответил Ферриций, и только тогда повери-

да королева, что он настоящий бледнотик, и учинить повелела приготовления к свадебной церемонии.

И надо же было случиться, что как раз в ту пору вернулся корабль, на котором электор королевский киберграф Кибергази отправился в средизвездные страны, чтобы там бледнотика изловить и через то в фавор у королевы войти. Прибежал к Феррицию опечаленный Полифазий и сказал:

— Королевич! Прибыл на корабле межзвездном великий киберграф Кибергази и привез королеве истинного бледнотика, коего только что видел я собственными глазами; а потому должно нам немедля бежать; не поможет никакое притворство, если вы вместе предстанете перед Кристаллой. Ибо липучесть его несравненно липучее, волосатость — куда волосатее, а театоватость превосходит воображение, так что откроется наш обман, и погибнем мы оба!

Но не послушал мудрого совета Ферриций, возлюбивший королеву больше жизни, и молвил:

— Лучше погибнуть, нежели ее потерять!

Кибергази же, проведав о приготовлениях к свадьбе, тут же прокрался под окно покоя, где ложный бледнотик вместе с купцом находился и, тайную их беседу подслушав, побежал ко дворцу, черной радости полон, и, представши перед Кристаллой, сказал:

— Ты обманута, королева, ибо тот, кто называет себя Миамляком, никакой не бледнотик, а обыкновеннейший смертный; истинный же бледнотик — вот!

И на пленника своего указал, а тот напряг покрытую волосом грудь, вытаращил буркалы свои водянистые и завопил:

— Бледнотик — это я!

Тотчас же велела королева привести Ферриция, а когда стал он рядом с бледнотиком пред ликом ее пресветлым, развеялся обман мудреца. Ибо Ферриций, хоть и облепленный грязью, пылью и мелом, хоть и обмазанный маслом липучим и хлюпающий водянистым манером, не мог укрыть ни роста своего электрицарского, ни благородной осанки, ни плеч стальных ширины, ни походки гремящей. Бледнотик же киберграфа Кибергази был урод настоящий, каждый шаг его был как бултыхание кадок, наполненных грязью, взгляд — словно мутный колодец, а от гнилостного дыханья затуманивались и слепли зеркала, и ржавчина вгрызалась в железо. И поняла королева в сердце своем, что мерзостен ей бледнотик, при каждом слове как бы розовым червяком шевеливший в горле: просветился разум Кристаллы, но гордость не позволила ей открыть того, что пробудилось в сердце.

И повелела она:

— Пусть бьются они меж собою, и кто победит, возьмет меня в жены...

Спросил тогда мудреца Ферриций:

— Почтеннейший, если ринусь я на уродца этого и обращаю его в грязь, из которой он народился, обман откроется, глина с меня опадет, и сталь обнажится, что же мне делать?

— Не нападай, королевич, — отвечал Полифазий, — но защищайся!



Вышли они оба на двор королевского замка, каждый с мечом в руке, и прыгнул бледнотик на Ферриция, колыхаясь, словно тина болотная, и пританцовывал вокруг него, лопоча, приседая, посапывая, и замахнулся, ударил мечом, и прошел меч сквозь глину, разбился о сталь, а бледнотик налетел с размаху на королевича, брызнул, лопнул и растекся, и не было больше бледнотика. Но засохшая глина опала с плеч рыцаря, и обнажилась его истинная стальная натура пред очами королевны, и задрожал он, скорую предвидя кончину, но во взгляде ее кристальном увидел восхищение и понял, сколь сильно переменялось ее сердце.

И соединились они обратной и прочною брачною связью, которая одним на радость и счастье, другим на горе и гибель дается, и правили долго и счастливо, допрограммировавшись бесчисленного потомства. А из шкуры бледнотика, пойманного киберграфом, сделали чучело и выставили в королевской кунсткамере для вечного назидания. И поныне стоит оно, неуклюжее, линиялым волосьем поросшее, и немало находится умников, кои слух распускают, будто все это фокус один и притворство, на самом же деле никаких бледнотиков-трупоедов, тестотелов клеглазых на свете нет и никогда не было. Кто знает, может, бледнотик и точно пустая выдумка — мало ли баек и мифов измышляет простонародье!

Но если история эта и неправдива, то поучительна, а вдобавок так занимательна, что стоило ее рассказать.

**Перевел с польского Константин ДУШЕНКО**